

Часть первая

Отпуск

Глава 1

Самолет приступил к снижению. Я пристегнула ремень безопасности и прикинула к иллюминатору: обожаю смотреть на то, как расплывчатые пятна ландшафта далеко внизу превращаются в ровные квадраты полей, пушистые многоугольники лесов и красивые, неподдающиеся определению геометрические фигуры городов и деревень. Постепенно стали вырисовываться и серые змейки дорог, по которым ползли разноцветные букашки-машины. Приближались прямоугольники словно по линейке отмеренных участков земли, покрытых зеленым ковром: теперь уже можно было разглядеть на них во всех подробностях игрушечные, по-европейски аккуратные домики, беседки, бассейны. Сердце радостно и неприлично громко билось в предвкушении отдыха и свободы. Хорошо еще, за гулом моторов этого не слышно.

Тысячу лет не была уже в отпуске, не позволяла себе расслабиться. Жила в постоянном напряжении, работала по двадцать часов в сутки, каждую секунду ожидая подвоха или удара. А теперь наконец можно забыться и не вспоминать ни о чем целых две недели! Да еще каких! Я давно мечтала по-

пасть в Эльзас, но не на день-два по рабочим вопросам, как обычно, а приехать по-человечески, в отпуск. Чтобы ни дел, ни мыслей, ни забот. Чтобы только радость, удовольствия и восторги. И вот теперь до вожденной мечты — рукой подать. Немудрено, что внутри все переворачивалось с ног на голову, а душа — или что там от нее осталось — пустилась в пляс от избытка чувств!

Видимо, на лице моем так явственно читалось блаженство, безудержное и по-детски наивное, что пожилой мужчина, сидевший в соседнем кресле, вонзился в меня мутным от хорошей порции коньяка взглядом и стал беззастенчиво скалиться мне прямо в лицо. Даже подался всем телом вперед, вероятно, чтобы у меня не оставалось сомнений в том, что его поощрительная улыбка адресована только мне. Видимо, окутанный спиртными парами и обманутой счастливым выражением моих глаз дедушка не разглядел, что имеет дело не с юной девой, а с вполне сформировавшейся грозной теткой. Инстинкт самосохранения у меня сработал автоматически: я изобразила на лице привычную суровую неприступность, щедро приправленную презрительным взглядом, и теснее прижалась к иллюминатору. Правда, хватило меня ненадолго. Как только краем глаза я заметила, что сосед со вздохом сожаления вернулся в исходную позицию — удобнее примостив свои костлявые чресла в кресле, продолжил разглядывать бортпроводниц, — улыбка снова завладела мышцами моего лица. И остаток пути, хотя поза, учитывая

пристегнутый ремень, была чертовски неудобной, я старательно демонстрировала соседу затылок. А то ведь не дай бог! Придется потом дедушку из кресла выскребать: терпеть с его стороны какие бы то ни было глупости я была абсолютно не настроена.

Посадочная полоса разлеглась внизу широкой, тщательно разглаженной лентой. Самолет аккуратно, пробуя землю, коснулся ее колесами шасси, а потом уверенно сел и покатил вперед. Пассажиры с энтузиазмом захлопали в ладоши, я гордо улыбалась: очень приятно, когда любимую авиакомпанию — уже десять лет летаю только ее рейсами — могут по достоинству оценить и другие!

Пока самолет заруливал на стоянку, я сосредоточилась на том, чтобы перед выходом облачиться в серьезность и официоз. Бизнес-леди, пусть даже и на отдыхе, должна выглядеть соответственно. Во-первых, имидж, а во-вторых, ну не нужны мне никакие мерзкие притязания со стороны сильного пола — только на отдыхе подобной ереси не хватало. Тем более что последние лет пять мужиков себе выбираю я. И уж никак не наоборот. Да и, если говорить начистоту, какая в современных мужчинах «сила»?! Так, рудимент мировоззрений прошлого века. Да и то зачастую создаваемый нашими же руками, точнее языком — слишком много и часто нужные нам мужчины слышат от нас похвалы. Только этим, кажется, и живут. Я хмыкнула по поводу двусмысленности фразы про руки с языком и вспомнила Маяковского:

«Я в Париже, живу как денди, женщин имею до ста. Мой член как сюжет в легенде переходит из уст в уста». Отчего-то мне еще в студенчестве очень нравился этот стих, безбашенный и жизнеутверждающий, а на месте лирического героя я всегда видела мужчину-себя. Сложно объяснить детали, но перед глазами неизменно ярко вставал образ меня самой, как если б я была мужчиной. Вот так. Бред, конечно. Но почему бы иногда не включить воображение и не развернуть, хотя бы мысленно, жизнь свою на сто восемьдесят градусов?

Я тяжело вздохнула, достала косметичку, обмакнула широкую кисточку в пудру и придирчиво осмотрела свое лицо в зеркале. Ладно, пока еще я и как женщина вполне ничего, несмотря на тридцать семь лет. Хотя надоело внешне оставаться теткой, давно уже внутренне перестроившись по мужскому типу. Честное слово!

Я сузила глаза, поджала губы и недовольно сдвинула брови. Получилось сурово — то, что надо. Только вот зрачки предательски светились изнутри неуместно ласкающим и восторженным светом. Так не пойдет. Я выпутала из волос дорогие солнечные очки, водрузила их на нос и провела расческой по волосам. Нужный эффект наконец достигнут: красиво, строго и недостижимо. В самый раз.

Как и подобает прилежному сотруднику, на которого нежданно-негаданно свалился визит очень большой начальницы, Егор — наш менеджер по Европе — стоял у самого вы-

хода из зоны получения багажа и интенсивно изображал на лице счастливую улыбку. С одной стороны, было забавно видеть, как человек старается, с другой — подумалось, что лучше бы он почаще употреблял свое драгоценное обаяние на клиентов. Глядишь, не провалил бы последние переговоры с «Гранд Домом». Я еще плотнее сжала губы и раздраженно повела плечом.

— Добрый день, Маргарита Семеновна! Как долетели? — сплошное подбострастие. Я поморщилась. Но радость играет талантливо, хотя и ежу ведь ясно, что нет ничего ужаснее приезда руководства в отпуск на твою территорию. Таскай его тут по местным достопримечательностям, устраивай экскурсии, развлекай. Забудь о собственных делах и личной жизни. А он — скотина такая — вовсю будет пользоваться моментом, чтобы учить тебя работать и как следует промывать мозги.

Все это я знала как «дважды два — четыре»: сама пятнадцать лет пашу на нашу компанию. Как только и кем не приходилось за эти годы притворяться. Так что подчиненному моему оставалось лишь расслабиться. И заранее смириться с тем, что «промывание мозгов» заведомо включено в программу моего нынешнего пребывания здесь. Особенно в свете недавних событий, за которые мне, кстати, в очередной раз перед всеми было стыдно. Несколько лет уже бьемся за чертов «Гранд Дом», а все без толку. И мнение моего со-

трудничка — шута горохового — на данный счет меня совершенно не волнует. Он свое получил.

— Замечательно, — холодной, как лед, интонацией я остудила его хорошее настроение. Было бы гораздо приятнее, если б этот скоморох прекратил наконец так активно скалиться и удосужился изобразить нейтральное — а еще лучше виноватое — выражение лица.

— Какие у вас на сегодня планы? — по-моему, я даже перегнула палку — теперь ему не терпелось от меня избавиться. Хоть в этом не юлит!

— Возьму в отеле карту и поброжу по городу, — выдала я заранее обдуманый ответ и наманикюренным ноготком поправила на носу очки. — А вот вам не нужно тратить на это свое драгоценное время. Займитесь рабочими делами.

— Но сегодня же суббота! — в голосе Егора неосторожно прозвучала плохо скрытая обида. Вот наглец — после всего, что натворил, еще смеет помнить о выходных! Я готова была удушить его. А он почти спокойно, только руки едва заметно дрожали, порылся в карманах, достал ключи от служебного автомобиля и выпалил на одном дыхании: — Мне было бы приятно показать вам Страсбург.

— Как вам будет угодно! — я уже практически шипела от возмущения, кажется, даже скрипнула зубами. Он несколько пристыженно, но продолжал мне улыбаться. Я демонстративно смерила его презрительным взглядом, развернулась на каблуках и направилась к машине.

Откровенно говоря, тайком я все-таки вздохнула с облегчением. Само собой, терпеть не могу доморощенных гидов, но и ходить по незнакомому городу в гордом одиночестве не привыкла: двенадцать лет начальствования сильно избаловали меня в этом отношении. Мы сели в машину, и серый «Ситроен» плавно выехал с подземной стоянки аэропорта.

Провести отпуск в Эльзасе — сказочной стране древних замков, старинных деревушек, бескрайних виноградников и повсеместных винных погребок — я запланировала уже давным-давно. Только вот никак не удавалось вырваться с работы. Все предыдущие посещения Лотарингии были короткими, быстрыми и суетливыми: ничего не поделаешь, командировки. Я только и успевала, что высовываться в окно несущейся на бешеной скорости машины и восхищенно раскрывать рот, рассматривая пролетающие мимо пейзажи. Страстно хотелось хлопнуть Егора по плечу со всей силы так, чтобы он опомнился и перестал жать на педаль газа как одержимый. Но умом я понимала, что времени действительно нет и посетить за полтора дня десять торговых точек в разных концах области не так-то просто. Поэтому каждый раз тяжело вздыхала и откладывала осмотр достопримечательностей на потом. И вот наконец сбылось.

Вообще-то ездить по командировкам в связи с экспортной специализацией нашей компании мне приходится много — по крайней мере, всю Западную Европу я уже исколе-

сила вдоль и поперек. Бог его знает почему, но из всех удивительных стран, городов и областей влюбилась я только в Эльзас.

Компания «РусводК», в которой я сделала действительно незаурядную карьеру, занимается производством и экспортом водки за рубеж. Так было и до того, как я в нее пришла, так есть и так, я уверена, будет. Только до меня почему-то никому не приходила в голову наглая мысль рвануть на рынок Европы и прочих прогрессивных стран вроде Америки, Канады, Австралии: все больше окучивали бывшие союзные республики. Мелко. Ну да неважно — главное, с продуктом люди безошибочно угадали. Кажется, ни один бизнес, кроме разве что нефтяного, не способен при грамотном подходе такую безумную прибыль. Конечно, при условии, что тебя поддерживает государство. А как не поддержать, когда компания знает механизмы «обратной связи» и является к тому же отечественным производителем, работающим на экспорт? Да сам бог велел! Именно водка — как ни крути — единственный непотопляемый русский бренд. Все, что в стране умели делать раньше — самолеты, ракеты, — кануло в Лету. Только сейчас вот начинают постепенно выплывать из производственного коллапса. И то пока еще с неизвестным результатом. А с ликеро-водочной продукцией провалов, как ни странно, не наблюдалось. Даже во времена горбачевского сухого закона производство не прекращали — трудились на зарубежные страны. В России водка ос-

нова основ, черт бы ее побрал! Но тут уж ничего не попишешь: предложи любому человеку двадцать сортов разной водки, и он выберет известную ему марку, но обязательно произведенную в России. Иначе это уже не нормальный человек. А то, что он выберет, — не водка. На том и стоим.

Тем более что за двадцать лет работы компании наша марка стала известна во всем мире. Конечно, мы не такие волшебные и пафосные, как «Кауффман», но и у нас дела идут неплохо. Постоянный контроль на заводе, собственные лаборатории и дегустаторы, умение работать с властями, хорошие дистрибьюторы, грамотный маркетинг. Все это и формирует успешный продукт «Русводки». Пять востребованных сортов водки, рассчитанные на покупателей с разным достатком, — на мой взгляд, неплохо.

Егор притормозил у гостиницы «Софитель» в центре Страсбурга — привыкла я к этому отелю за четыре года, да и не люблю, если честно, ничего менять. Как говорится, от добра добра не ищут. Помню, в самом начале, когда мы только выходили на рынок Франции, а я только взяла на работу Егора, он объездил с десяток отелей в городе, выбирая подходящий для меня вариант. Понятно же было, что первое время я буду постоянно мотаться сюда в командировки. И, нужно сказать, с выбором менеджера мой не прогадал. «Софитель» при всей своей простоте не лишен спокойного лоска и изящества.

Не успел Егор выключить зажигание, как к машине уже

подбежал служитель отеля в униформе с тележкой-стойкой для багажа, дно которой было обито зеленым бархатом. Молодой человек оказался даже чересчур расторопным — не разобравшись, попытался завладеть ключами от машины, чтобы припарковать ее на подземной стоянке. Подумал, видимо, что мы заселяемся вдвоем. Я неожиданно для себя смутилась из-за этого недоразумения и поспешила отвернуться, а Егор ласково объяснил человеку, что к чему. Тот рассыпался в извинениях и, раздосадованный собственной ошибкой, сосредоточился на моих чемоданах. На стойке ресепшен нас встретили две улыбчивые девушки — спросили фамилию, на которую забронирован номер, моментально отыскивали бронь в компьютере и еще быстрее выдали мне ключ-карточку. Все. Я даже не поняла, кто из них и в какой момент успел заполнить гостевой бланк, протянули мне его с улыбкой только для подписи. На все вопросы отвечал Егор: мой французский после долгой московской спячки окончательно еще не проснулся и нуждался в некоторой слуховой подпитке. Про себя я отметила, что говорит мой сотрудник теперь правильно и абсолютно свободно — кажется, даже лучше меня. Совсем не так, как четыре года назад, когда я принимала его на работу.

Вообще, по поводу Егора у меня в свое время были серьезные сомнения. Помню, ко мне на собеседование пришел расхлябанный молодой человек с внешностью свободного художника: легкая небритость, вокруг шеи намотан

длинный вязаный шарф, речь не слишком внятная, французский тоже ни к чему. На первый взгляд для такой ответственной работы, как менеджер «РусводКи» в Европе, Егор не подходил — даже одеться подобающим образом ради встречи с потенциальным руководителем не дал себе труда. С другой стороны — он мне просто понравился, и все тут. И это несмотря на сквозящие в нем мягкость и где-то легкомысленность, смешной для нужной должности возраст — двадцать шесть лет — и полное отсутствие опыта. Хотя мне то тоже было двадцать шесть, когда меня назначили руководителем проекта, и у меня тоже совсем не было необходимых навыков. В общем, я решила рискнуть и взять Егора. Сроки поджимали — Францию, а заодно и соседние европейские страны, в тот момент нельзя было оставить без контроля; меньше всего улыбалось мне вести эту сложную для водочного рынка область вслепую.

Имелись у меня и другие кандидаты. И, наверное, у них было больше достоинств: кое-какой опыт, знание языка. Но основной — один на всех — недостаток разочаровывал меня слишком сильно: все они, как один, рассчитывали уехать на ПМЖ в Европу за счет «РусводКи». Остальное их в принципе не интересовало. А вот Егору было все равно, где жить, — ему не промывали мозги ни томно вздыхающие по Франции жены, ни дети, по той простой причине, что их попросту не существовало. Зато у него загорелись глаза, когда я заговорила о том, чем мы будем заниматься: работой с за-

рубежными дистрибьюторами, подготовкой рекламных материалов, различными формами контроля, включая «mystery shopping» в точках продаж и ресторанах, обучением и тренингами персонала. Конечно, всему этому менеджера предстояло обучить, но в компании давно была разработана грамотная подготовительная программа, рассчитанная на два месяца. Так что все равно любому пришлось бы начинать с нуля. Заодно будет время подтянуть французский.

Не давала покоя мне и еще одна навязчивая идея — подписать контракт с легендарной ритейловой компанией, у которой были грандиозные торговые дома по всей Европе. «Гранд Дом» занимался исключительно алкоголем и был знаменателем успеха на этом рынке, при том что там принципиально не работали ни с одним дистрибьютором — только непосредственно с производителями. Но к ним на кривой кобыле не подъехать. Требовался очень мягкий, деликатный подход, человек, который для начала был бы способен к себе расположить. Наладить контакт. А уж потом проникнуть в их философию, психологию бизнеса и помочь «Русводке» в формировании грамотного предложения. «Гранд Дом» существовал на рынке алкоголя уже бог знает сколько лет и ни разу не прогорел. Тут было чему поучиться. Егор показался мне подходящей кандидатурой на роль трепетного ученика и преданного разведчика.

Обнаружились у него и другие серьезные преимущества — зарплату он согласился получать вдвое меньше той,

какую наша компания в реальности готова была платить. А я, как руководитель, да еще и Департамента продаж, до сих пор не могу абстрагироваться в интересах компании от принципа: «Сэкономленные деньги — заработанные деньги». Так что на работу я его, на свою голову, взяла. Потом, как водится, был повод и пожалеть, и порадоваться этому факту. Но что есть — то есть. Сделанного не воротишь.

— Номер на пятом этаже устраивает? — Егор смотрел на меня чуть удивленно. Видимо, я совсем забылась в воспоминаниях и не расслышала его вопроса с первого раза. — Если нет — можно поменять.

— Мне все равно. — Уши у меня стали горячими. Кажется, я неожиданно для себя покраснела — чертовски неудобно было предстать перед собственным сотрудником в настолько естественном виде, погруженной в глубокую задумчивость. Тем более что думала-то я о нем.

— Тогда оставляем. — Он ободряюще дотронулся до моей руки, почувствовав, наверное, мое внутреннее смятение и по-своему его истолковав. Черт возьми, какие они тут непосредственные, в этой Европе! — Вы же теперь не на один день — нужно, чтобы было удобно. А на пятом номера значительно лучше — я проверял.

— Как? — я отдернула руку. Вопрос был задан, только чтобы избавиться от неловкости и что-нибудь сказать. Запястье неприятно жгло.

— Специально заезжал заранее, смотрел разные планировки.

— А-а-а. — Я на всякий случай демонстративно отодвинулась подальше от стойки и заодно от Егора. — Вам не нужно было так беспокоиться.

— Мне это приятно. — Он снова изобразил известную в среде наших менеджеров «искреннюю улыбку», которой всех в обязательном порядке учат на психологических тренингах, а я посмотрела на него с досадой — на мне-то уж мог бы не отрабатывать приемы благорасположения, которые были мне известны до мозга костей.

Через час мы уже шли по Страсбургу, петляя по крохотным, сияющим европейской чистотой и притягательностью улочкам, к площади Кафедрального собора. Егор на ходу, довольно путанно, но старательно — видно, подготовился специально — излагал историю города. Как в двенадцатом году до нашей эры римляне построили здесь укрепленный город Аргенторатум (как только язык не сломал!), как в 496-м уже нашей эры его переименовали в Стратебургум — город дорог. Потом, в девятнадцатом веке, он стал столицей Имперской земли Эльзас-Лотарингия, а в 1992 году было принято решение разместить в Страсбурге резиденции Европейского парламента. То есть, по существу, придать городу статус столицы Европы. Собственно, и мы, вслед за Евросоюзом, решили сделать Страсбург своей торговой столицей. Удобно. Действительно, «город дорог».

Слушала я Егора вполуха: красота древних фахверковых построек, утопающих в буйном цветении, старинные каменные мостовые, приветливо улыбающиеся окна разноцветных домов — все походило на сказку или несбыточный сон. Солнышко ласкало бархатным теплом, и я то и дело подставляла его лучам уставшее от тяжелого московского воздуха лицо. На губах блуждала непрощеная улыбка. Я уже отдыхала и телом, и душой.

И вдруг совершенно произвольно я остановилась как вкопанная, раскрыв от восхищения рот, — в просвете между трех-четырёхэтажными старинными домами, словно из-под земли, вырос громадный готический собор. Егор врезался в меня — так неожиданно вросла я в землю — и поспешно отпрянул. Кажется, я на него даже не посмотрела. Стояла я не шелохнувшись минуты две. А потом, как зомби, двинулась по узкой улице, мощенной булыжником, к страсбургскому Нотр-Даму. Неземной красоты статуи, каменные кружева, чудесные узоры затейливыми рунами покрывали фасад собора. Глаза могли блуждать по этому великолепию бесконечно. Я, не отдавая себе отчета в собственных действиях, шаг за шагом подходила все ближе. Постепенно на стенах стали угадываться вполне определенные картины: сцены жития Христа и картины Страшного суда, фигуры Добродетелей, пронзающих Пороки копьями, статуя Искусителя, окруженного юными девами. Кажется, в каком-то путеводителе я обо всем этом читала, но не думала, что выглядит... вот

так! К восторгу примешалось непроизвольное чувство обиды: ни дня, ни даже года не хватит на то, чтобы в подробностях рассмотреть каждую скульптуру, прощупать взглядом каждый завиток.

— Сколько же его строили? — прошептала я словно во сне.

— С 1176-го по 1439-й, — услужливо подсказал Егор, непонятно каким образом расслышавший мои слова. — Три с половиной века.

Боже мой! Неужели возможны такая гармония и такое величие в делах человека? Ведь не одно же поколение похоронено под тяжестью камней, из которых сложены стены собора, а он весь, целиком, смотрится так, будто его создавало одно-единственное гениальное воображение и одни же руки. Из горла сам собой вырвался сдавленный вздох. Я испуганно скосила глаза и взглянула на Егора в надежде, что он ничего не заметил. Какое там! Он стоял и с раскрытым ртом смотрел на меня с таким же удивлением, с каким я рассматривала собор. Черт! Только этого еще не хватало. Не сказав ни слова, я отвернулась и поспешно направилась внутрь храма. Я не оборачивалась — спиной ощущала, как Егор идет за мной и буравит взглядом.

Внутри собор был так же божественно красив. Расписанные стены, украшенные статуями колонны, тихая прохлада, древний запах ладана и влаги. Я медленно прошла по кругу, с осторожным любопытством разглядывая каждую колонну,

каждый витраж, каждую часовню. Надолго остановилась перед ажурной, из камня, кафедрой, которая состояла из затейливых воздушных узоров и статуй святых. Мне даже показалась кощунственной мысль о том, что подобное великолепие можно попирать ногами человека — пусть даже проповедника, — настолько неземным и божественным выглядел этот шедевр пламенеющей готики. Перед астрономическими часами я застыла, уподобившись десятку-другому людей, стоявших в напряженно-внимательных позах. Я простояла минут десять, как и все, ожидая неизвестно чего. Но часы вдруг ожили — послышался бой, задвигались бесчисленные фигуры, щедро украшавшие корпус огромного механизма, и перед моими глазами прошли, сменяя друг друга, куклы, изображавшие разные возрастные периоды человеческой жизни. Последней, звеня железными костями, перед зрителями появилась и застыла Смерть. Стало немного не по себе. Я отошла от часов подальше, опустилась на одну из длинных деревянных скамеек и прикрыла глаза. Вместе с запахом ладана и древних стен в сердце проникало ощущение вечности, приносящее мерную радость и душевный покой. Так хотелось ухватить это чувство, поймать, чтобы сохранить внутри! Пропали мысли, заботы, потеряла значение повседневная суэта, заснуло вечное мое стремление забраться на вершину, утолить жажду собственных амбиций. Как же хорошо мне стало без всего этого! Только теперь, наверное, впервые в жизни я ощутила радость свободы, легкость паря-

щей в восхищении души. Впервые за тридцать семь лет! Сложно поверить. Невероятно хотелось поделиться с кем-нибудь своим открытием, но я была одинока до боли — мир плавно проплывал мимо, не замечая меня. Я тяжело вздохнула, тихо встала и направилась к выходу.

— Вам понравилось? — я даже вздрогнула от неожиданности — успела забыть, что пришла сюда не одна. Егор тактично не пошел вслед за мной в собор. Остался ждать у входа.

— Невероятно. — Эмоции не желали покидать меня — было сложно вырваться из их плена и заговорить. Внутри словно что-то перевернулось.

— Я сначала тоже обомлел. — Егор, видимо, обрадовался возможности подчеркнуть наше сходство. Эти его слова окончательно вернули меня к действительности. Вот ведь какой: начитался умных книжек по психологии продаж и за чем-то тренируется на мне. Стало грустно. — А потом приходил сюда каждый вечер целый месяц — никак не мог налюбоваться.

— Егор, оставьте при себе свои уловки, — я раздраженно повела плечом. — Мы с вами учились по одним учебникам — не забываетесь.

— Маргарита Семеновна, вы о чем?! — то ли я от собственных эмоций чувство реальности потеряла, то ли Егор совершенно искренне был обижен моим «наездом».

— Я — о психологическом приеме «отражения»! — по-

чему-то я разозлилась. И, что странно и совсем мне не свойственно, на этот раз на себя. — Хотите расположить к себе собеседника, демонстрируйте общие с ним черты или интересы. Ведь так?

— Нет. — Егор смотрел на меня широко раскрытыми глазами. — Не так. — Он отвернулся от меня с таким видом, словно едва удержался, чтобы не сказать: «Маргарита Семеновна, у вас на почве работы подозрительность превратилась в паранойю».

— Ладно, — я примирительно дотронулась до его локтя. Зря, конечно, опустилась до панибратства, но ничего не могла с собой поделаться: душа после посещения собора ныла и наполнялась неизлечимой сладостной болью. — Давайте поговорим об этом за ужином. Я вас приглашаю.

Не знаю, как эти слова могли сорваться с моих губ, но только руководил ими явно не разум. С одной стороны, стало досадно, что тщательно оберегаемый имидж великой начальницы так вот взял и рассыпался за одну секунду в прах, с другой — я физически истосковалась по живому общению с людьми. Что ж теперь, и в отпуске себе в нем отказывать и тащиться в ресторан одной? Тем более я и мест-то здесь достойных не знаю: все деловые ужины-обеды во время командировок организовывал Егор. А на другие просто времени не хватало.

— С удовольствием! — он ни секунды не колебался. На губах его расцвела самая профессиональная «искренняя

улыбка». Господи, ну хватит уже кривляться передо мной! Все ведь человеку прямым текстом объяснили. А может, это выражение лица и сияние глаз у него настоящие? Кто ж его знает?

Глава 2

Мы еще погуляли, пока не начало темнеть и город не окунулся в пряный южный вечер, какие бывают у нас только на юге. Разве что моря поблизости где-нибудь не хватало, но маленькая речушка Иль, на которой построен Страсбург, старательно компенсировала этот недостаток дуновениями слабого влажного ветерка. В темноте мы пробирались через переулки — шли то ли в бар, то ли в кафе по выбору Егора. Сначала он колебался, не зная, куда меня вести, но потом твердо заявил, что, если уж мы в Страсбурге, надо плюнуть на московский снобизм и идти в традиционную эльзасскую забегаловку — пить свежее пиво и пробовать местную кухню. А не извращенные до неузнаваемости блюда, что подают туристам в местах их обычных скоплений. Только то, что устраивает самих жителей Эльзаса! Я не возражала, хотя и смутилась немного, услышав заявление о том, что «это заведение для студентов» и еще «там не очень тихо». Понятно, что Егор в свои двадцать с копейками — или сколько там ему? — мог еще сойти за пятикурсника или аспиранта. А я-то куда? Но, с другой стороны, черт возьми, почему бы не

окунуться с головой в чужую молодость, если своя уже бесследно прошла?!

В баре и вправду оказалось очень людно, шумно и накурено. Круглые деревянные столы и такие же стулья были наставлены с такой плотностью, что перемещаться здесь было почти невозможно. За юрким официантом мы продвигались гуськом, усердно оттаптывая бедным «студентам», порой весьма преклонного возраста, ноги и бормоча без перерыва: «Pardon», «Eqsquisez-moi, si'l vous plait». Нас с улыбками извиняли.

— Егор, — мне приходилось говорить громко, чтобы перекричать общий радостный гул, — это что за ужас?!

— Рита, это лучшее заведение в Страсбурге! Его только местные знают!

Я словно онемела. И начала как рыба, вытащенная из воды, хватать ртом воздух. Как он посмел назвать меня по имени?! Я практически захлебнулась в собственном праведном гневе и приготовилась выдать возмущенную тираду про «Юпитеров и ослов», но тут же поняла, что орать придется слишком громко. К тому же по-русски. А мне ничуть не хотелось привлекать к себе чье-то внимание. Напротив, лучше всего сейчас было слиться с этим счастливо гудящим французским ульем и в нем раствориться. Сдержав в себе порыв прибегнуть к ненормативной русской лексике, я недовольно хмыкнула, окинула Егора презрительным взглядом — пусть толкует его как хочет — и отвернулась, сделав отстраненное

лицо. Будто бы не услышала, как он меня назвал. Что ж, сама виновата — не нужно было переводить служебные отношения в совместное шатание по барам. Выпить и поговорить ей, видите ли, не с кем!

Дальше — больше. По мере совместного обсуждения меня я из начальницы превращалась в смущенную гостью, а Егор становился хозяином и плавал в окружающей непривычной мне обстановке как рыба в воде. Хотя, если копнуть поглубже, почему же непривычной? Стоит вспомнить студенческую молодость, бесконечные вечеринки в общежитии МГУ, какие-то дни рождения, пикники на Воробьевых горах, походы, и сразу станет понятно, что в такую атмосферу мне случалось попадать довольно часто. Просто забылось все давным-давно. Я вдруг поймала себя на мысли, что не живу по-настоящему уже много-много лет. Не различаю красок, не дышу полной грудью, не испытываю чувств. Единственным проблеском во всей моей жизни только и было студенчество — до университета я существовала в окружении сплошных проблем, а после все силы и эмоции отдавались карьере. Вечное мысленное напряжение в поисках верной стратегии, борьба за сферу влияния, интриги. Не говоря уж о том, что работы всегда было невпроворот. И чем крупнее становилась компания, чем больше менеджеров я вынуждена была брать на работу, тем глубже затягивала меня эта бизнес-трясина. Ни одной свободной минуты. Постоянно в напряжении, на грани нервного срыва оттого, что надо и не-

возможно все успеть. Работа. Работа! Работа!!! Остального для меня уже просто не существовало.

Иногда, правда, до боли хотелось кому-нибудь пожаловаться, чтобы пожалели, приласкали. Случалось, под влиянием этих чувств я совершала не совсем понятные себе и миру поступки... Бог ты мой, только вот не надо сейчас начинать это неуместное здесь, в Страсбурге, нытье! Я мотнула головой, избавляясь от неприятных мыслей.

Егор тем временем бодро диктовал официанту наш заказ. Хотя «нашим» его можно было назвать разве что условно — я так и не успела ничего выбрать. Но моего внезапно обнаглевшего сотрудника это обстоятельство, судя по всему, нимало не волновало. Закончив свой монолог на идеальном французском, которому я уже успела вторично за день позавидовать, он повернулся наконец ко мне и объяснил:

— «Тарт фламбе» — традиционное эльзасское блюдо. Выглядит почти как пицца, но не то: на раскатанное тесто кладется сметана, лук, сыр, а все остальное — по желанию и вкусу. И запекается. — Ему приходилось выкрикивать слова, нагнувшись к самому моему уху: шум в помещении за последние несколько минут вспенился и забурился, словно волна в шторм. В кафе уже не было ни одного свободного места.

— А если мне не понравится? — я демонстративно скривила губы и уставилась на него выжидающе: думала, он сейчас начнет распинаться, пытаюсь рассказать, что еще здесь можно заказать и как это готовят. Не то чтобы меня не

устроило по описанию это самое «тарт фламбе» — наоборот, очень интересно было попробовать национальную кухню, — просто должен же он исполнять роль экскурсовода для собственной начальницы как следует.

— А куда вы денетесь? — Егор с неожиданной наглостью посмотрел мне прямо в глаза. — Придется съесть.

Я вздрогнула, словно меня осадили ударом хлыста, и, несмотря на все усилия сдержать дыхание, засопела, невольно имитируя паровоз.

— По-моему, это хамство! — меня едва хватило на то, чтобы выговорить фразу без запинки.

— Простите, я не то хотел сказать. — Он привычно широко и примирительно улыбнулся. Померещился мне его наглый взгляд в темноте, что ли? Да и слова я могла из-за шума неправильно разобрать. — Вам обязательно понравится — это очень вкусно!

Через пять минут мы уже чокались запотевшими бокалами с золотистым, только что сцеженным из огромной деревянной бочки пивом, которое тут же, в размещившемся под залом подвале, и варилось. Вкус у юного напитка был сказочный: мягкий, свежий и невероятно легкий. Егор, видимо, изнывал от жажды после нашей долгой прогулки: так жадно он припал к стеклянному краю бокала губами и даже прикрыл от удовольствия глаза. Взгляд его стал неясным, глубоко погруженным в физическое блаженство, которое он испытывал. Я застыла, удивленно глядя на своего подчинен-

ного через край своего бокала. И, как ни старалась, не могла оторвать взгляд от этого завораживающего зрелища — в Егоре таилась такая естественная природная сила, такая жажда жизни и страсть, что все эти ощущения начали передаваться и мне. Помимо собственной воли и уж тем более разума я почувствовала, что возбуждаюсь: в голову непрошено полезли мысли о том, какими же глазами он тогда смотрит, когда занимается с женщиной любовью?! Как прикрывает веки, как туманится его взор, и сам он тонет в чувственности, идущей изнутри его существа. Если уж долгожданный глоток обычного напитка порождает столько ярких эмоций и чувств, что же творится с ним, когда наслаждение достигает апогея! Засуетившись в попытке скрыть от окружающих постыдные мысли, я чуть не захлебнулась в собственном пиве — сделала слишком большой глоток.

А потом принесли дымящийся, покрытый божественно ароматным сыром «тарт фламбе» на толстой деревянной доске и специальный круглый нож. Больше никаких приборов не было. Но это обстоятельство явно не смущало Егора: он ловко разрезал «огненный пирог» на четыре части, а один из кусков тут же скатал между пальцами.

— Это нужно есть руками, — объяснил он с набитым ртом. — Традиция символизирует необходимость делиться с ближними и быть простым в общении.

Я ничего не сказала — только чуть заметно покраснела и потянулась за своим куском. Вкус у «огненного пирога» был